

комментатора Аверроэса. С его точки зрения, сказанное ими совпадает с самой наукой, и слушать их — значит слышать сам разум. Вернее, поскольку нельзя не видеть, что преподавание учения Аристотеля нередко противоречит Откровению, то нужно признать, что его учение — это философия. А если, с другой стороны, существует абсолютная наука — наука Откровения, то следует кратко согласиться с тем, что существуют два решения некоторого числа вопросов: одно — решение с помощью Откровения, и именно оно истинно; другое — решение с помощью лишь обычной философии и естественного разума. Когда между ними возникает конфликт, мы говорим: вот решения, к которым меня по необходимости приводит разум, оперирующий как философия, но, так как Бог не может лгать, я принимаю истину, данную нам в Откровении, и впитываю ее верой.

Как истолковать такую позицию? Прежде всего заметим, что она выражена с предельной осторожностью, по крайней мере в том, что касается формы. Аверроэс не поколебался занять куда более откровенную позицию. Он думал и говорил, что истина в собственном смысле слова — это истина, которую добывают философия и разум. Безусловно, богооткровенная религия тоже обладает своей степенью истины, но это явно более низкая и подчиненная степень. Всякий раз, когда философия и текст Откровения вступают в противоречие, то этот текст нужно истолковать и извлечь из него подлинный смысл с помощью одного только естественного разума. Сигер Брабантский не советует нам ничего подобного. Он довольствуется

Часть 25.

425

6. От перипатетизма к аверроизму

указаниями на выводы и решения философии и, напротив, бескомпромиссно утверждает превосходство истины Откровения. В случае конфликта уже не разум, а вера принимает решение. Но Сигер проявляет еще большую осторожность. Если и существовала в средние века доктрина «двойственной истины», то ее авторство можно совершенно законно приписать Аверроэсу, а не Сиге-ру. В самом деле, никогда Сигер Брабантский не употребляет слово «истина» для характеристики результатов философского умозрения. У него истина всегда и исключительно означает Откровение. Поэтому, как мы видим, для обозначения объекта исследования он использует единственное число. Если мы называем истиной только истину Откровения и если философия этого не учитывает, то значит цель философии — не поиск истины. И действительно, Сигер Брабантский никогда не приписывает ей эту цель. Заниматься философией, говорит он нам, «значит просто отыскивать то, о чем думали философы — и особенно Аристотель, — даже если случайно мысль Философа не была согласна с истиной и если Откровение посредством души передало нам решения, которые естественный разум не в состоянии доказать». Заниматься философией, пишет он в другом месте, значит в большей степени искать то, о чем думали философы, нежели истину: «*quaerendo intentionem philosophorum in hoc magis quam veritatem, cum philosophice procedamus*»*. Итак, для Сигера есть только одна истина, и это — истина веры.

Таковы были четкие и ясные утверждения Сигера Брабантского. Принимая факты такими, какими они были, трудно удержаться от вопроса: что следует о них думать? Быть может, это будет большим свидетельством наличия у нас некоторой мудрости и умения подходить к событиям философски, чем заявление о нашей неспособности объяснить